

Жигалова М. П.

(Брест, Беларусь)

ТВОРЧЕСТВО А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА В КОНТЕКСТЕ ШКОЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ БЕЛАРУСИ

Ключевые слова: *Солженицын; Беларусь; творчество; литературное образование; восприятие; интертекст, интерпретация и анализ.*

Аннотация: *в статье предложены методы и приёмы изучения жизни и творчества А. Солженицына; обозначены способы выявления читательского восприятия, интерпретации и анализа, используемые в ходе изучения рассказа «Один день Ивана Денисовича» в выпускном классе школ Беларуси; даны элементы интертекста; показаны пути осмысления читателем времени и пространства, отражающие трагическую сущность эпохи сталинизма.*

Современная система школьного литературного образования Беларуси, начиная с пятого и по одиннадцатый классы, ставит целью не только познакомить учащихся с этапами и направлениями развития русской литературы, с произведениями мировой классики, но и помочь учащимся постичь общечеловеческие ценности в ходе интерпретации и анализа программных произведений.

В этой связи знакомство с произведениями А. И. Солженицына занимает особое место. Изучая жизнь и творчество писателя, который осмелился открыть весь ужас тоталитарного режима и описать жизнь осуждённых, независимо от национальностей и возраста, званий и профессий, социальной принадлежности, учащиеся смогут представить реальные страницы самого страшного, сталинского периода развития истории СССР. А значит, и понять собирательный образ всех русских заключённых, которые по ложным либо же мнимым обвинениям разделили с А. Солженицыным горькую участь политических репрессий.

Поскольку тема, как в историко-философском, так и в нравственно-психологическом плане сложна для осмысления, то вполне понятно, почему такое знакомство происходит только на последней ступени обучения. Изучив страницы истории, читатель-выпускник в какой-то мере уже готов к восприятию очень сложного и неоднозначно оцененного мировым сообществом учёных периода, трагического и практически недоступного для глубокого осмысления и понимания современным читателем, живущего в комфортных условиях.

Школьная программа отводит в выпускном классе три урока на изучение темы «А. И. Солженицын» в контексте изучения обзорной темы «Литература середины 50–60 годов» XX века [9, с. 105]. В рамках программы и монографического подхода к освещению тематического материала, предполагается обзорное знакомство с жизнью и творчеством писателя и аналитическое изучение рассказа «Один день Ивана Денисовича».

Поэтому **на первом уроке** важно будет познакомить учащихся с жизнью и творчеством художника слова [3, с. 158–161], который впервые в советской литературе показал читателю эпоху сталинских репрессий и описал жизнь заключённых в сталинских лагерях.

Второй урок будет посвящён изучению рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». При этом акцент должен быть сделан на исследовании темы трагической судьбы человека в условиях несвободы; сталинизме как народной трагедии, а также на концепции личности.

На третьем уроке предлагается проанализировать образ Соцгородка, стратегию выживания человека в нечеловеческих обстоятельствах, а также показать, в чём заключается своеобразие композиции и языка рассказа.

Кроме того, для дополнительного чтения рекомендуется рассказ А. И. Солженицына «Матренин двор» [3, с. 161–165].

При знакомстве **на первом уроке** с биографией писателя учителю важно не только рассказать о вехах жизни, но и показать, как «лагерные университеты» капитана Солженицына привели его к главной теме. И здесь уместны будут пропедевтические домашние задания творческого характера, такие, как создание «*карты тюремных и лагерных маршрутов*», указывающей на его тюремные и лагерные скитания, имеющей несколько очевидных вех: 1945 год – лагерь на Калужской заставе, с лета 1946 до лета 1947 – спецтюрьма в г. Рыбинске (недолго в г. Загорске); затем до 1949 года – Марфинская «шарашка» (то есть, специнститут в северном пригороде Москвы), с 1949 года лагерные работы в Экибастузе (Казахстан).

Использование такой *карты* на уроке поможет учащимся понять специфику и вехи творчества Солженицына, его истоки.

Если учесть, что в Марфинской «шарашке» (она изображена в романе «В круге первом»), писатель мог много читать (Л. Толстого, А. Толстого, А. Фета, В. Даля и др.), беседовать, спорить с весьма оригинальными, разносторонне одарёнными и образованными людьми, такими, как инженер Д. М. Панин, критик-германист Л. З. Копелев, то лагерный маршрут Солженицына, конечно, был менее крутой, чем, например, у В. Шаламова, который пролегал через ледяные пустыни Колымы, или у Е. С. Гинзбург, который состоял из двухгодичного пребывания в одиночке.

И вместе с тем, в Экибастузе Солженицын пережил эпизод «смуты», восстания заключённых, во время которого мог погибнуть. Всё это он описал в сценарии «Знают истину танки» (1959 г.).

В феврале 1953 года Солженицын был освобождён из лагеря и стал «вечным ссыльнопоселенцем» в ауле Кок-Терек Джамбульской области, где сначала жил в съёмной глинобитной хатке, затем купил собственный домишко, а в 1955 году ему было разрешено въехать в Ташкент для стационарного лечения в онкологической лечебнице (повесть «Раковый корпус»).

После облучения и реабилитации он некоторое время работает в Мезиновской школе во Владимирской области и живёт у Матрёны Васильевны Захаровой (новелла «Матрёнин двор», 1959 г.), а затем переезжает в Рязань (повести «Один день Ивана Денисовича», «Случай на станции Кочетовка»), где прожил до 1969 года. Все эти произведения и сделали Солженицына всемирно известным.

Такая работа с *картой* дополняется ещё и *сообщением учителя о прототипах героев* рассказа «Один день Ивана Денисовича», над анализом которого учащимся предстоит работать на двух последующих уроках.

Учитель отметит, что почти все герои имеют своих прототипов. Так, главный персонаж, Иван Шухов, списан отчасти с самого автора, отчасти с его знакомого, солдата Ивана Шухова (никогда не сидевшего). СобираТЕЛЬНЫМ также является образ капитана Буйновского – его прототипами являлись капитан Борис Васильевич Бурковский и спортсмен Георгий Павлович Тэнно. Фельдшера Колю Вдовушкина в реальности звали Николай Боровиков, а Цезарь Маркович списан с режиссёра Льва Алексеевича Гроссмана [10].

Однако *сообщение учителя о жизни и творчестве писателя* будет неполным, если не включить в его структуру элементов *интертекста* [2, с. 92–94].

Заметим, что творчество и личность самого писателя привлекают внимание критиков и литературоведов, которые сравнивают его с Л. Н. Толстым и А. П. Чеховым, с зарубежными писателями. Не менее интересны попытки соотнесения его творчества с европейской литературой в целом, с реалиями западной культуры. Учитель укажет на связи Солженицына с Данте, на диалог между текстами А. Солженицына и Данте.

Педагог отметит, что в заглавии романа А. Солженицына «В круге первом» [7] содержится явная интертекстуальная отсылка к Дантовому аду и укажет на мотивы введения интертекста Солженицыным. Для этого учителю необходимо вспомнить «Божественную комедию» Данте.

Школьники заметят, что трудно сказать, имел ли в виду именно ад Данте Солженицын, или он опирался на общехристианское представление об аде и рае. В любом случае, безотносительно к тому, что имелось в виду, поэма Данте помогает расшифровать смысл этого символа.

Учитель даст *интертекстуальный комментарий*. Он пояснит, что у Данте, как и в христианской традиции, лимб – «круг первый», он расположен у края ада. С лимба начинается движение по всему миру теней, начинается приобщение к этому миру. Там пребывают души невинные, но непросвещенные благодатью христианской веры. У Данте в лимбе находятся носители бессмертной мысли – Аристотель, Сократ, Платон, Гомер, Гораций и Вергилий. Учитель сделает акцент на нескольких важных вопросах, на которые попробуют ответить учащиеся с помощью педагога:

1. Что есть лимб для Солженицына и современного читателя?

(Старшеклассники заметят, что если для современного читателя лимб – это скорее символ роковой черты, у которой стоит человек в преддверии перехода в инобытие, то для Солженицына явственнее звучит мотив невинности, так как его герои попадают в «круг первый» без вины виноватыми и мучаются там, не ведая за собой греха).

2. Кого видят писатели в зеркале лимба?

(Данте видит отражение великих мира сего. Герои же Солженицына: Нержсин, Рубин, Хоробов – люди для истории мало заметные, но страдания их не уменьшаются от этого, так как муки души человека мало зависят от величия при жизни. И как бы ни страшна была их жизнь на «шарашке» в Марфино, что автор называет ее «кругом первым» ада, но ведь следующие круги еще страшнее. В финале произведения Солженицына, когда героев увозят из «шарашки» в лагерь, Нержсин говорит: «Это не ад. В ад мы едем. В ад мы возвращаемся, а «шарашка» – лучший, высший, первый круг ада. Это – почти рай»).

3. Есть ли в других произведениях аналогии с творчеством Данте?

(Учитель заметит, что в произведении «В круге первом» не единственные аналогии с творчеством Данте. По величественности и грандиозности замысла с «Божественной комедией» может быть сопоставлено и произведение Солженицына «Архипелаг Гулаг». «Божественную комедию» часто называют блистательным мрачным полотном. Этот эпитет может быть отнесен и к произведению Солженицына. Неслучайно, что произведения были созданы в трагическую переломную эпоху. Материалом для них служат отнюдь не самые светлые стороны человеческой жизни. И это вполне понятно. Обращение к теме страдания, ада, искупления грехов оправдано в такие напряженные периоды человеческого бытия).

Такая информация поможет учащимся выявить мотивы и характеры интертекстуальности в творчестве А. И. Солженицына и подготовит их к анализу повести «Один день Ивана Денисовича».

Заметим, что элементы интертекстуального анализа [1, с. 113–131] могут быть использованы учителем как при изучении биографии писателя в старших классах общеобразовательных школ (на что мы указали выше), так и при анализе произведений, потому что они являются одним из эффективных способов проникновения в детали художественного текста, характер героев, индивидуальный стиль писателя. Это и специфический этап обогащения рецепции старшеклассников и развития их культурно-информационного поля, а также постижения характера взаимодействия текстов. Это и приём, способствующий взаимообогащению и взаимопониманию культур писателя и реципиента через другой культурный код, своеобразный путь, способствующий осмыслению произведения как эстетического целого.

Если речь идёт об использовании интертекстуального анализа произведения, то он строится на нахождении в художественном произведении интертекстуальных элементов, объяснении мотивов их употребления, влиянии на идейно-художественное содержание произведения: заглавия, эпиграфа, отсылающих к другому произведению, аллюзий, реминисценций, различного рода пересказов, наличествующих в составе анализируемого художественного произведения.

Поэтому *интертекстуальный комментарий* и анализ – это ещё одна возможность помочь школьникам понять ценность конкретного произведения и определить его место в мировом литературном и культурном процессе, найти себя в мире многовековых и культурных традиций, понять роль художественного произведения в формировании эстетического и нравственного идеала старшеклассников.

Второй и третий уроки будут посвящены анализу рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича».

Так как акцент должен будет сделан на анализе темы трагической судьбы человека в условиях сталинизма как народной трагедии, а также на концепции личности, то дидактический сценарий урока будет открываться *историей создания произведения*, рассказом подготовленного учащегося о том, как зародилась у писателя идея создания рассказа и что легло в его основу.

Вот что об этом пишет сам автор рассказа «Один день Ивана Денисовича»: «Я в 1950 году в какой-то долгий лагерный зимний день таскал носилки с напарником и думал: как описать всю нашу лагерную жизнь? По сути дела, достаточно описать всего один день в подробностях, и день самого простого работяги, и тут отразится вся наша жизнь. И даже не надо нагнетать каких-то ужасов, не надо, чтобы это был какой-то особенный день, а – рядовой, вот тот самый день, из которого складывается жизнь» [8].

Учитель отметит, что в основу сюжета произведения положен рассказ советского лагерного заключённого, русского крестьянина и солдата Шухова Ивана Денисовича, который вспоминает свою жизнь перед арестом.

Первоначальное авторское название повести – «Щ-854. Один день одного ээка» – первое опубликованное произведение А. Солженицына, принёсшее ему мировую известность, издание которого, по мнению историков и литературоведов, повлияло на весь дальнейший ход истории развития литературы.

Рассказ был задуман в лагере в Экибастузе (Казахстан) зимой 1950–1951 годов, написан в 1959 году (начат 18 мая, закончен 30 июня) в Рязани, где в июне 1957 года Александр Исаевич окончательно поселился по возвращении из вечной ссылки. Работа заняла меньше полутора месяцев. Вот как об этом вспоминает сам автор: «Задумал я так, и этот замысел остался у меня в уме, девять лет я к нему не прикасался и только в 1959, через девять лет, сел и написал. ... Писал я его недолго совсем, всего дней сорок, меньше полутора месяцев. Это всегда получается так, если пишешь из густой жизни, быт которой ты чрезмерно знаешь, и не то, что не надо там догадываться до чего-то, что-то пытаться понять, а только отбиваешься от лишнего материала, только-только чтобы лишнее не лезло, а вот вместить самое необходимое [10]. В 1961 году создан «облегчённый» вариант, без некоторых наиболее резких суждений о режиме.

Поэтому *беседа на выявление читательского восприятия* поможет определиться с дальнейшими аналитическими акцентами читателей-школьников. Выявить их отношение к содержанию прочитанного произведения помогут ответы на вопросы, составленные учителем заранее:

1. Как воспринимается повесть читателем?

(Она воспринимается по-разному: и как вымышленная история, которой не может быть, потому что у человека не хватит сил, чтобы вынести такие условия; и как будничная, и даже в некоей мере символичная, потому что она «отсеяна», отобрана не автором, а многими годами лагерного бытия. Отобран и жаргон, тоже ставший событием после публикации повести. Вот как описана помощь одного заключённого другому: она «доходила на общих, я её в портяжную устроил». Конечно, современному читателю такое выражение не совсем понятно, как и весь быт заключённых. В контексте произведения это можно понимать так: «доходила», значит, была в шаге от смерти; «на общих работах», то есть на лесоповале, карьере, где голодно и холодно; а в «портяжной мастерской», где шьют портянки, всё-таки труд полегче. Эти будни быта воспринимаются читателем как тра-

гедия, к которой уже привыкли заключённые, но именно она больше всего и поражает).

2. О чём рассказывает повесть «Один день Ивана Денисовича»?

(Солженицын рассказывает в повести о лагере, как о чём-то давно и прочно существующем, имеющем свой регламент, будничные свод правил выживания, свой фольклор, свою лагерную «мораль», устоявшуюся дисциплину).

Дальнейшая аналитическая беседа поможет учащимся понять не только трагическую историю России, но и её нечеловеческую боль, большую беду, которую она пережила в сталинские времена.

1. Где и когда происходит действие? (Цитирование учащимися страниц текста).

2. Что рассказывает автор о жизни заключённых? (Пересказ и цитирование учащимися страниц текста).

3. За что эти люди осуждены? (Пересказ и цитирование учащимися страниц текста).

4. Какими жизненными ценностями дорожат?

(Пересказ и цитирование учащимися страниц текста: «умеют подать сухие валенки бригадиру», «протащить в барак дрова», «обойти завстоловой», «незаметно «заначить», то есть, присвоить лишнюю порцию баланды», «одолжить за сигарету ножик» и т.д.).

5. Как освещает А. И. Солженицын тему лагерного быта?

(Рассказ учащихся о том, где и как живут, как обустроены бараки, как работает санчасть, столовая и т.д.); учащиеся отметят и отношение надзирателей к заключённым, процитируют отдельные страницы: «Читали ж вот приказ по баракам – перед надзирателем за пять шагов снимать шапку и два шага спустя надеть. Иной надзиратель бредёт, как слепой, ему всё равно, а для других это сладость. Сколько за ту шапку в конвой перетаскали, псы клятые. Нет уж, за углом перестоим») [6, с. 14].

Вместо беседы, если учитель посчитает нужным, может быть проведена и дискуссия «Есть ли жизнь у заключённых?» о прочитанном произведении и его актуальных проблемах, о его тематике и образной системе.

Но какой бы методический приём для аналитической работы ни выбрал учитель, важно подчеркнуть, что «Один день Ивана Денисовича» – повесть, рассказывающая о жизни и выживании простого человека в условиях лагерной зоны: «В лагере вот кто поддыхает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к «куму» ходит стучать»; «Никак не годилось с утра мочить валенки»; «Если каждый из бригады хоть по чутку палочек принесёт, в бараке теплей будет»; «Завстоловой никому не кланяется, а его все зэки боятся. Он в одной руке тысячи жизней держит».

В рассказе автор освещает не только тему лагерного быта, но и многие социальные проблемы, спровоцированные тоталитарным режимом. Что это за проблемы, учащиеся сделают вывод, опираясь на анализ содержания, описав поэтапно события одного дня. Поэтому уместно будет использовать на уроке приём *устного словесного рисования*, предложив учащимся попробовать описать жизнь лагеря, какой она видится читателю.

После этого можно поработать над составлением *кадроплана*, отражающего хронологию событий одного дня жизни в лагере, или *созданием киносценария*, который позволит за счёт подобранной музыки к каждому кадру ощутить ещё и тот психологический дискомфорт, который царил в лагере и душах заключённых. Попробуем представить отдельные кадры в сопровождении текстового материала. Заметим при этом, что каждому кадру будет соответствовать ещё и рисунок, сделанный учащимися на основе описания в тексте рассказа.

Название кадра	Содержание кадра
1 кадр Сон – утро (рисунок)	«Сквозь сон чудилось – то вроде совсем заболел, то отходил маленько. Всё не хотелось, чтобы утро» (с. 6); «В пять часов утра, как всегда пробило подъём» (с. 8); «..во всём тёмном бараке, где лампочка горела не каждая, где на полусотне клопных вагонок спало двести человек, сразу заворочались и стали поспешно одеваться» (с.12)
2 кадр Завтрак (рисунок)	«Прокликаясь через тесноту, от каждой бригады работяги по два, по три носили на деревянных подносах миски с баландой и кашей и искали для них места на столах»; «Сидеть в столовой холодно, едят больше в шапках, но не спеша, вылавливая разварки тленной мелкой рыбёшки из-под листьев чёрной капусты и выплёвывая косточки на стол...» (с. 12); «...из рыбки мелкой попадались всё больше кости, мясо с костей сварилось, развалилось, только на голове и хвосте держалось. На хрупкой сетке рыбьиного скелета, не оставив ни чешуйки, ни мясинки...» (с. 13); «На второе была каша из магары. Она застыла в один слиток. Шухов её отламывал кусочками. Магара не то, что холодная, она и горячая ни вкуса, ни сытости не оставляет: трава и трава, только жёлтая, под вид пшена» (с.13–14)
3 кадр Работа (рисунок)	«Работа – она как палка, конца в ней два: для людей делаешь – качество дай, для начальника делаешь – дай показуху» (с.11); «Как ни тяжело было начинать рабочий день в такой мороз, но только начало это и важно было переступить, только его» (с. 36); «...опять их ямки долбать заставили. Ямки нужны невелики: пятьдесят на пятьдесят и глубины пятьдесят, да земля та и летом как камень, а сейчас морозом схваченная, пойдёшь её угрызи. Долбают её киркой – скользит кирка, и только искры сыплются, а земля – ни крошки... греться ребятам негде, отойти не велят – давай опять за кирку. От неё всё тепло... » (с. 37)
4 кадр Обед (рисунок)	«Ту т и гудок. Тут приходят бригады в черёд и выдаёт повар в окошко миски, а в мисках тех дно покрыто кашицей, и сколько там твоей крупы – не спросишь и не взвесишь, только сто тебе редок в рот, если рот откроешь...и здесь воруют, и в зоне воруют, и ещё раньше на складе воруют... все те, кто воруют, киркой сами не вкалывают. А ты – вкалывай и бери, что дают. И отходи от окошка... Главное, каша сегодня хороша, лучшая каша – овсянка. Не часто она бывает. Больше идёт магара по два раза в день или мучная затирка. В овсянке между зёрнами – навар этот сытен, он-то и дорог» (с. 47–48)

5 кадр Работа (рисунок)	«Побили ещё, постучали, четыре корытца сколотили. – Ладно, посыдымо, погриемось, – двоим каменщикам сказал Павло. – И вы, Сенька, пишла обида тожэ будэтэ ложыть. Сидайтэ!.. И – сели к печке законно. Всё равно до обеда уж кладки не начинать, а раствор разводить некстати, замёрзнет» (с. 43); «Своё дело знай, сморчок! Таскай кирпичи!.. Подносчики, как лошади запышенные...» (с. 67).
6 кадр Ужин (рисунок)	«Фетюков свою миску из первых взял и ушёл: расчёл, что в бригаде сейчас не разживёшься, а лучше по всей столовой походить-пошакалить, может, кто не доест (Если кто не доест и от себя миску отодвинет – за неё как коршуны хватаются, иногда сразу несколько)... Вообще-то по вечерам баланда всегда жижэ много, чем утром: утром зэка надо накормить, чтоб он работал, а вечером и так уснёт, не подохнет...» (с. 93).
7 кадр Сон (рисунок)	«Засыпал Шухов вполне удовлетворённый. На дню у него выдалось сегодня много удач: в карцер не посадили, на Соцгородок бригаду не выгнали, в обед он закосил кашу, бригадир хорошо закрыл процентовку, стену Шухов клал весело, с ножовкой на шмоне не попался, подработал вечером у Цезаря и табачку купил, не заболел, перемогся. Прошёл день, ничем не омрачённый, почти счастливый» (с. 111)

Такой приём поможет подготовить учащихся к следующему этапу работы на уроке – *характеристика образов заключённых, их характеров и жизненных ценностей*, что позволит раскрыть тему трагической судьбы человека в условиях несвободы, показать сталинизм как народную трагедию, которую читатель определит уже с момента знакомства с сюжетом рассказа, имеющим кольцевую композицию.

Произведение начинается словами: «В пять часов утра, как всегда, пробило подъём – молотком об рельс у штабного барака» и заканчивается словами: «Прошёл день, ничем не омрачённый, почти счастливый. Таких дней в его сроке от звонка до звонка было три тысячи шестьсот пятьдесят три. Из-за високосных годов – три дня лишних набавлялось...» [6, с. 5]. Это свидетельствует о серых буднях безрадостной жизни: каждый её день начинается, проходит и кончается одинаково бессмысленно и неинтересно.

Рассуждая о «счастье» жизни заключённых, учащиеся отмечают, что уже самое начало повести предлагает читателю подсказку: такое «счастье» – это трагедия («молоток», «рельс», «барак», «звонок»).

В произведении представлен достаточно широкий спектр персонажей, которых объединяло одно невыносимое настоящее лагерной жизни. И всё же автору удалось подметить индивидуальность каждого, показать причины излома их судеб, подчеркнуть многогранность человеческих отношений в нечеловеческих условиях, отметить особенность проявления их национальных и общечеловеческих качеств в экстремальных ситуациях. Описание судеб заключённых подтверждает это.

Перед читателем предстают и *два эстонца*, «один... – рыбак с побережья, другой, другого же, когда Советы установились, ребёнком малым родители в Швецию увезли. А он вырос и самодумкой назад, дурандай, на родину, институт кончат. Тут его и взяли» [6, с. 33].

Это и Фетюков, *бывший директор*, у которого «на воле детей трое, но как сел – от него все отказались, а жена замуж вышла...» [6, с. 33].

Это и *кавторанг Буйновский*, который «со всеми людьми разговаривает так, как командует» [6, с. 33]. Это он, ещё и трёх месяцев не проживший в лагере, кричит охране: «Вы права не имеете людей на морозе раздевать! Вы девятую статью уголовного кодекса не знаете!.. Вы не советские люди!», на что Шухов иронически замечает: «Имеют. Знают. Это ты, брат, ещё не знаешь» [6, с. 24].

Это и *дозорщик, строительный десятник Дэр, москвич*, который в министерстве работал: «Бушлат у Дэра лагерный, но новенький, чистенький. Шапка отличная, кожаная. А номер и на ней, как у всех: Б-731» [6, с. 65].

Это и *маленький чернявый молдаван*, заснувший на лесах, который, по мнению заключённых, был настоящим румынским шпионом, и *мадьяр*, который «выскочил из той же 32-ой, да ногой его под зад! (Мадьяры вообще румын не любят)» [6, с. 76].

Это и *Алёшка с друзьями-баптистами*, которым «по двадцать пять лет вкатили за баптистскую веру – неуж думают тем от веры отвадить» [6, с. 30].

Это и *Иван Денисович Шухов*, который ушёл из дома 23 июня 1941 года и которого посадили за измену родине. «И показания он дал, что таки да, он сдался в плен, делая изменить родине, а вернулся из плена потому, что выполнял задание немецкой разведки. Какое ж задание – ни Шухов сам не мог придумать, ни следователь. Так и оставили – просто задание. В контрразведке били Шухова много. И расчёт был у Шухова простой: не подпишешь – бушлат деревянный, подпишешь – хоть поживёшь ещё малость. Подписал» [6, с. 44]. Потому «сорок лет землю топчет, уж и зубов нет половины и на голове плешь, никому никогда не давал и не брал ни с кого, и в лагере не научился. Лёгкие деньги – они и не весят ничего, и чутья такого нет, что вот, мол, ты заработал...» [6, с. 29].

Это и *бригадир Андрей Прокофьевич Тюрин*, уволенный из рядов армии как *сын кулака, латыш Ян Кильдигс* (знает русский как родной), с которыми Шухов в лагере больше говорит, чем со своими домашними, потому что писать им о своих переживаниях нельзя, да и рассказывать особенно не о чем.

Это и *Цезарь Маркович*, в котором «всех наций намешано: не то он грек, не то еврей, не то цыган – не поймёшь...картины снимал для кино. Но и первой не доснял, как его посадили» [6, с. 21], «богатый, два раза в месяц посылки, всем сунул, кому надо, – и *придурком* работает в конторе, помощником нормировщика» [6, с. 31].

Это и *глуховатый Сенька Клевишин* – «тихий бедолага. Ухо у него лопнуло одно, ещё в сорок первом. Потом в плен попал, бежал три раза, изловили, сунули в Бухенвальд. В Бухенвальде чудом смерть обминул, теперь отбывает срок тихо...кряхти да гнишь. А упрёшься – переломишься...» [6, с. 34].

Это и *Гопчик*, «хлопец лет шестнадцати, розовенький» [6, с. 36], которого посадили «за то, что бендеровцам в лес молоко носил. Срок дали как взрослому. Он – телёнок ласковый, ко всем мужикам ластится. А уж и хитрость у него: посылки свои в одиночку ест...» [6, с. 40].

Следует заметить, что в основу сюжета положен рассказ Шухова Ивана Денисовича, лагерного заключённого, который вспоминает свою жизнь перед арестом (*пересказ учащегося*).

После пересказа фрагментов текста и обсуждения судеб заключённых учащиеся сделают вывод, что образ Ивана Денисовича – это собирательный образ

всех русских заключенных, которые по ложным, либо же мнимым обвинениям разделили с Солженицыным горькую участь политических репрессий. Шухов с первых дней героически воевал на фронтах Великой Отечественной войны. Он попал в плен, с которого ему удалось бежать. Как и многих людей бежавших из плена, Ивана Денисовича обвинили в измене Родине и заключили в каторжные лагеря: «А было вот как: в феврале сорок второго года на Северо-Западном окружили их армию всю, и с самолётов им ничего жрать не бросили, а и самолётов тех не было. Дошли до того, что строгали копыта с лошадей околевших, размачивали ту роговицу в воде и ели. И стрелять было нечем. И так их помалу немцы по лесам ловили и брали. И вот в группе такой одной Шухов в плену побыл пару дней, там же, в лесах, – и убежали они впятером. И ещё по лесам, по болотам покрались – чудом к своим попали. Только двоих автоматчик свой на месте уложил, третий от ран умер, – двое их и дошло. Были б умней – сказали б, что по лесам бродили, и ничего б им. А они открылись: мол, из плена немецкого. Из плена?? Мать вашу так! Фашистские агенты! И за решётку. Было б их пять, может, сличили показания, поверили б, а двоим никак: сговорились, мол, гады насчёт побега...» [6, с. 45].

Повествуя о судьбах заключённых, Солженицын устами своих героев рассказывает реальные истории, освещающие проблемы последствий коллективизации в русской деревне (рассказ бригадира Тюрина, рассказы других заключённых); проблемы деградации искусства, вызванной вмешательством в него коммунистической идеологии. Цезарь Маркович, например, рассуждает о гениальности фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный», о ловкости в обхождении цензуры, а жилистый старик-интеллигент называет ловкость лжи режиссёра посвоему («заказ собачий выполнял»). Это и Пётр Михалыч, который читает свежую газету «Вечёрка», присланную бандеролью, особенно привлекает его «интереснейшая рецензия на премьеру Завадского» [6, с. 87].

Обсуждают заключённые и проблемы веры человека. Вот что внушает Антошка Шухову, читая страницы Библии: «Молиться не о том надо, чтобы посылку прислали или чтоб лишняя порция баланды... Молиться надо о духовном: чтоб Господь с нашего сердца накипь злую снимал...» [6, с. 108].

В ходе такого анализа, учащиеся отметят, что изображая судьбы героев, Солженицын отнюдь не идеализирует народный тип, но в то же время показывает доброту, отзывчивость, простоту, человечность представителей многих национальностей, которые противостоят узаконенному насилию уже тем, что герои рассказа проявляют себя не как безымянные «винтики» тоталитарной машины под номером ШЦ-854 (таков лагерный номер Ивана Денисовича Шухова), а как люди, с глубоко национальной и социальной психологией (крестьянской психологией, как у Шухова, например), научившиеся выживать в нечеловеческих условиях.

На следующем уроке учащиеся смогут проанализировать образ *Соцгородка*, проследить стратегию выживания человека в таких обстоятельствах: «А Соцгородок тот – поле голое, в увалах снежных и прежде чем, что там делать, надо ямы копать, столбы ставить и колючую проволоку от себя самих натягивать – чтоб не убежать. А потом строить. Там, верное дело, месяц погреться негде будет – ни конурки. И костра не разведёшь – чем топить? Вкалывай на совесть – одно спасение» [6, с. 6].

Школьники *перескажут наиболее яркие страницы строительства городка*, что позволит сделать вывод о том, что «машина лагеря заведена и что она работает в заданном режиме, к которому привыкли все: и лагерные работяги, и ловкачи, пристроившиеся «потеплее», и подлецы («придурки»), и сама охрана, и работники санчасти, столовой... Поэтому выжить здесь сможет только тот, кто сумеет «забыть» о том, что лагерь – это смерть, это катастрофа...» [4, с. 279], а сможет воспринимать его как данность, уйти от которой есть всего два пути – смириться, пристроиться к ситуации или умереть.

Как видим, несмотря на довольно сжатую форму произведения, автор смог показать на примере одной отдельно взятой личности судьбу всего русского народа, который стал жертвой Сталинского террора. Как отмечает литературовед Людмила Сараскина, первый биограф писателя, исследователь его жизни и творчества, «Солженицын нигде не пишет, что он точно знает цифру расстрелянных, убитых, уничтоженных в ГУЛАГе. Он ссылается на авторитетного профессора статистики и говорит, что речь идёт о той цифре, которая включает в себя и гражданскую войну, и «красный террор» первых лет советской власти, и голод, и коллективизацию со ссылкой крестьян, где погибло четверть высланных. Да ещё больше десяти миллионов ожидаемых нерождённых»[5].

Очевидно, что каждая эпоха вызывает к жизни свои темы и проблемы, рождает своих писателей и героев, которые наиболее полно и глубоко отражают страсти и трагическую сущность своего времени. Неудивительно, что М. Бахтин отметил: «Я представляю Солженицына величиной формата Достоевского» [5], а А. Шмеман подчеркнул, что «его вера – горами двигает... Рядом с ним невозможна никакая фальшь, никакая подделка, никакое «коккетство» [5]. И в этом смысле значимость для России и русской литературы личности и творчества А. Солженицына трудно переоценить. На этой ноте заканчивается урок, но не заканчивается знакомство с творчеством Солженицына, которое открыло учащимся не только новые страницы истории, но и заставило обратить взоры на психологию русского человека, умеющего выживать в нечеловеческих условиях.

Список литературы:

1. Жигалова, М. П. Интерпретация и анализ в литературе: теория и практика : монография / М. П. Жигалова; Брест. гос. ун-т имени А. С. Пушкина. – 2-е изд., доп. – Брест : БрГУ, 2011. – 269 с.
2. Жигалова, М. П. Типология анализа произведений русской литературы : монография / М. П. Жигалова. – Брест : БрГУ, 2004. – 300 с.
3. Жигалова, М.П. Русская литература XX века в старших классах : пособие для учителей общеобразовательной школы. Рекомендовано Центром учебной книги и средств обучения Национального института образования. – Мн. : «Аверсэв», 2003. – 220 с.
4. Русская литература XX века. Учебник для 11 кл. общеобразоват. учреждений. В 2 ч. Ч. 2 / В. А. Чалмаев, О. Н. Михайлов, А. И. Павловский и др. ; сост. Е. П. Пронина; под ред. В. П. Журавлёва. – М. : Просвещение, 1997. – 399 с. – С. 279.
5. Сараскина, Л. К дискуссиям о месте Александра Солженицына в истории. Православие и мир. 2014. 3 октября. <http://www.pravmir.ru/lyudmila-saraskina-k-diskussiyam-o-meste-aleksandra-solzhenitsyina-v-istorii/>
6. Солженицын, А. Малое собрание сочинений. Т3. Рассказы. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – 288 с. Печатается по тексту собрания сочинений А. Солженицына. Вермонт; Париж, YMCA-PRESS, 1978, том 3.
7. Солженицын, А. И. Малое собрание сочинений. В круге первом. В 2 кн. / А. И. Солженицын. – М., 1991. – 384 с.

8. Александр Солженицын. Радиоинтервью к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» для Би-Би-Си (1983), написано в 1982 // Звезда, 1995. – № 11. – С. 3–7. Дано в Вермонте в доме автора 8 июня 1982. Барри Холланд – тогдашний глава русской службы Би-Би-Си. Передавалось на СССР в ноябре 1982 в связи с 20-летием опубликования «Ивана Денисовича». Текст с оригинальной звукозаписи. Опубликовано: Вестн. рус. христиан. движения. Париж; Нью-Йорк; М., 1983. – № 138. – С. 155–163 (К 20 летию выхода в свет «Одного дня Ивана Денисовича»). В России впервые – Звезда. – 1995. – № 11. – С. 3–7.

9. Учебная программа для учреждений общего среднего образования с русским и белорусским языками обучения. Русская литература. V–XI классы. Утверждено Министерством образования Республики Беларусь. – Минск, Национальный институт образования, 2018.

10. <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

УДК 821.161.1

Критарова Ж. Н.
(Москва, Россия)

ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА А. СОЛЖЕНИЦЫНА В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ

***Ключевые слова:** литературное образование; российская школа; стандарты по литературе; Примерная программа; творчество А.И. Солженицына.*

***Аннотация:** в статье рассматривается история событий, связанных с изучением творчества А. И. Солженицына в российской школе. Проанализированы нормативно-законодательные акты, регламентирующие литературное образование в школах РФ, определено место творческого наследия Солженицына в учебном плане словесников. Обозначены отдельные произведения писателя, изучение которых вошло в школьное образование.*

100 лет – это мало или много? В истории мировой цивилизации – это мгновение. В истории современной России – это эпоха. Таким человеком-эпохой был и остается писатель А. И. Солженицын, чье имя известно каждому образованному человеку в мире.

Весьма неоднозначно складывались отношения писателя с родной страной. Выступая в течение нескольких десятилетий против коммунистических идей и политического строя СССР, Солженицын был выдворен из страны. А через некоторое время имел возможность не только торжественно вернуться, но и удостоиться внимания власти. «Учитывая большое значение творчества А. И. Солженицына для отечественной культуры и в связи с исполняющимся в 2018 году 100-летием со дня его рождения», летом 2014 года президент подписал указ о праздновании юбилея А. И. Солженицына. Как могло быть иначе? Писатель, публицист, поэт, общественный и политический деятель Александр Исаевич Солженицын пророс корнями в родную землю и русский язык, с болью воспринимал все невзгоды, выпавшие на постперестроечную Россию. Все его помыслы были связаны с сохранением духовности и нравственности человека. Не случайно Нобелевская премия по литературе была дана Солженицыну с формулировкой «за нравственную силу, с которой он следовал непреложным традициям русской литературы».

Сам Солженицын неоднократно говорил, что школой жизни стали для него фронт, лагерь и ссылка. Эту мысль писатель высказал в своем знаменитом